

RU

Причины городских восстаний в Московском государстве в середине XVII в.

Андреев И. Л., Ильина К. Е.

Аннотация. Цель исследования – определить соподчиненность и взаимосвязь причин, которые привели к городским восстаниям в Московском государстве в середине XVII века. В статье анализируются сословная политика первых Романовых, их отношение к базовым требованиям провинциального дворянства и посадского населения, а также ответная реакция этих слоев, результатом которой стало возникновение острого социально-политического кризиса. Городские восстания рассматриваются как результат стремления служилых и посадских людей повысить свой статус вследствие их растущей роли в жизни страны. Научная новизна работы заключается в рассмотрении городских восстаний как проявления перманентного кризиса, переживавшегося обществом и государством. Предложено расширение содержания самого понятия «городские восстания», которое не следует сводить исключительно к открытым антиправительственным выступлениям. В результате исследования обоснована необходимость изучения «бунташных» событий середины XVII века в более широком контексте глубинных социально-политических процессов, происходивших в первой половине - середине XVII столетия.

EN

Causes of Urban Riots in Moscow State in the Middle of the XVII Century

Andreev I. L., Ilyina K. E.

Abstract. The paper aims to develop a hierarchy of the factors that promoted urban riots in Moscow State in the middle of the XVII century. The article considers the first Romanovs' class policy, examines their perception of the provincial noblemen's and craft people's urgent demands, analyses these social strata's response which resulted in a severe socio-political crisis. Urban riots are considered as a result of the civil servants' and craft people's aspiration to raise their social status, taking into account their growing role in the country life. Scientific originality of the study lies in the fact that urban riots are considered as manifestations of the permanent crisis that faced the society and the state. The authors try to broaden the notion "urban riots", which, in their opinion, should not be understood exclusively as direct anti-government actions. The research findings are as follows: the authors justify the necessity to study urban riots of the middle of the XVII century in a wider context of global social and political processes in the first half of the XVII century.

Введение

Актуальность проблемы обусловлена стремлением в рамках современного научного знания скорректировать традиционное толкование причинно-следственных связей, которые привели к социально-политическому кризису середины XVII столетия. Предлагаемая интерпретация событий связана с изменением методологических подходов к истории городских восстаний, с необходимостью переосмыслить уже известные источники и включить их в обновленный исторический контекст.

Цель исследования предопределила круг решаемых задач. Во-первых, не просто обобщить политику правительства Б. И. Морозова, ставшую непосредственной причиной волнений, а выявить ее место и взаимосвязь с предшествующей политикой Романовых. Во-вторых, выяснить, насколько она соотносилась с теми базовыми сословными требованиями, которые были выдвинуты служилыми и посадскими людьми после Смуты. В-третьих, оценить результаты «диалога» представителей дворянства и посада с властью и содержание обретенного участниками «диалога» политического опыта. Авторы статьи использовали в первую очередь такие методы исследования, как историко-генетический, системный, социокультурный. Теоретической базой исследования послужили труды историков, внесших значительный вклад в разработку данной проблемы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемые подходы и интерпретации событий могут быть использованы в процессе преподавания курса отечественной истории в высшей школе с целью углубления понимания роли и места сословных требований и сословной политики в истории XVII века.

Боярин Б. И. Морозов у власти

Городские восстания середины XVII века, и в первую очередь Московское восстание 1648 года – знаменитый Соляной бунт, – издавна привлекали внимание историков. Надо сказать, что после появления фундаментальных исследований П. П. Смирнова [17; 18], Е. В. Чистяковой [22] история городских восстаний, включая породившие их причины, казалось бы, получила всестороннее освещение. И действительно, с точки зрения хода восстаний, состава участников и выдвигаемых требований сделано очень много. Однако уже тогда ощущалась известная ограниченность при осмыслении характера движения, «закованного» в жесткие рамки классового противостояния. Наиболее ярко эта ограниченность дала о себе знать при обсуждении вопроса о так называемом «единачестве» – союзе провинциального дворянства и московского посада летом 1648 – зимой 1648/49 гг. Диапазон этого спора – от решительного отрицания самой возможности «единачества», принципиально несоответствующего схеме взаимоотношений между дворянством и посадом, до признания существования союза с оговоркой, что речь в данном случае может идти о верхах московского посада – «лучших людях» [21, с. 279-283].

Расширение исследовательского поля в постсоветское время позволило во многом по-новому взглянуть на историю городских восстаний середины XVII в. Акцент делается не столько на выяснение причин, сколько на «функционирование» сознания участников движения, изучение представлений, превращавших в их понимании «скоп» и «гиль» в легитимное выступление против государевых «изменников». При всех изменениях, наметившихся в изучении истории социального противостояния в XVII веке, им не хватает, как нам представляется, широты взгляда. Причины выступлений фундаментальнее, нежели просто недовольство политикой правительства боярина Б. И. Морозова, вошедшее в противоречие с представлениями о правде и справедливости. Признание основательности причин, соответственно, означает, что последствия городских восстаний куда глубже, нежели это принято считать.

Политика правительства Б. И. Морозова – лишь видимая часть причин, которые привели к выступлениям. Отметим, что сама эта политика нередко получает одиозное освещение, что невольно ведет к упрощению. Акцент делается на произвол и вымогательство, в фокусе которого оказался глава Земского приказа Л. Плещеев. Термин «плещеевщина» приобрел нарицательный смысл, окрасивший черной краской любое начинание правительства «дядьки» царя. Между тем Морозов, отгеснив от трона ближний круг первого Романова, во многом продолжил прежнюю политику [1]. Во многом это было предопределено, поскольку правительство Черкасского – Шереметева проводило курс, отвечающий национальным интересам и сложившемуся международному положению. Но в этой политике были и свои новшества: амбициозность, размах и даже новаторство в выборе средств.

Поражение в русско-польской войне 1632-1634 годов лишь отстрочило решение вопроса о потерянных в Смуту территориях. Возвращение Смоленска оставалось главной внешнеполитической повесткой. При этом стало очевидно, что успеха трудно достичь, не обеспечив безопасность южных границ, страдавших от опустошительных набегов крымцев. Со второй половины 1630-х годов началось интенсивное строительство засечных черт с городами-крепостями на путях движения орд. Но грандиозная по масштабам задача быстро опустошила казну, которую вступивший на престол Алексей Михайлович, нашел в плачевном состоянии. Это обстоятельство не остановило Морозова, реального правителя страны при неопытном царе-юноше. Он продолжил начатое, решительно перестроив всю финансово-налоговую политику. Морозов ввел жесткий режим экономии, существенно урезав, а в ряде случаев прекратив выплату жалованья служилым и приказным людям. Беспощадный правящий сменил прежнее снисходительное отношение к недоимщикам. Монастыри лишались многих материальных привилегий – в приказах властям отказывали подтвердить старые тарханские грамоты.

Взятые из купеческого сословия новые приказные дельцы оказались способны на неординарные решения. В 1646 году был введен соляной налог, смысл которого означал перенос центра тяжести в фискальной политике с прямых налогов на косвенные. Это был своего рода прорыв, недооцененный современниками. Население резко сократило потребление соли. Ожидаемое финансовое половодье обернулось на деле пересыхающими денежными ручейками. В итоге в 1647 году правительство отменило соляной налог и восстановило прежние прямые ямские и стрелецкий деньги-подати, потребовав их уплаты за два «пропущенных» года. Понятно, что такая беззастенчивая ревизия собственного законодательства вызвала взрыв возмущения.

В итоге подобная политика не просто затронула – ударила едва ли не по всем слоям населения, вызвав лютую ненависть к правящим лицам. При этом Морозов и его окружение мало считались с запросами и политическими настроениями служилых и посадских людей, демонстрируя открытое пренебрежение к этим значимым категориям населения. Это была игра с огнем, взрывную силу которого окружение Морозова явно недооценивало. Озлобление усугублялось еще и тем обстоятельством, что главы приказов и приказные люди не сумели выдержать искуса властью и встали на путь безудержного обогащения. Мздоимство и вымогательство достигли размеров невиданных [2].

Политика Морозова стала причиной и катализатором городских восстаний. Но, как уже отмечалось, ограничиться этими причинами – значит не до конца осознать всю глубину кризиса, переживаемого властью и обществом. По сути, перед нами лишь первый уровень причин, вызвавший социальный взрыв. Существовал

еще один уровень, потребовавший от властей усилий куда более значительных, нежели просто «утешение» бунта или смены первых персон.

Сословная политика первых Романовых

Данный уровень противостояния – прямое следствие внутренней политики, которую проводили правящие верхи после Смуты. На эти годы пришлось не только преодоление разрушительных последствий Смутного лихолетья. Одновременно шел процесс неуклонного возрастания роли «средних классов» (определение С. Ф. Платонова) – торгово-ремесленного населения и служилого дворянства – в экономической и политической жизни страны. Явилось понимание собственной значимости – и не только в деле спасения православия и Отечества. Все последующее время власти раз за разом вынуждены были обращаться за поддержкой и соучастием этих слоев в решении внутренних и внешних вопросов. Все это способствовало пробуждению сословного самосознания, формированию той мысли, что власть обязана считаться с чаяньями «государевых холопов» и «сирот». Ратуня по итогам Смуты за возрождение «старинны», провинциальное дворянство и посадские люди представляли ее отличной от того, чем она была до драматических событий начала века.

Начиная с 1620-х годов служилые и посадские люди повели упорную борьбу за повышение своего статуса. Важно подчеркнуть, что именно в этот период базовые требования оформляются в коллективные челобитные, т.е. становятся общим достоянием. К месту оказывается оживление деятельности сословных институтов, которые можно было наблюдать в годы Смуты. В известной мере происходит переориентация их деятельности: если ранее они выступали организационными центрами, мобилиующими усилия для борьбы с «воровскими казаками», интервентами и «доброхотами» польского короля, то в последующем посадские «миры» и дворянские «служилые города» консолидируют усилия для реализации своих сословных требований.

Однако эти планы встретили противодействие как со стороны власти, так и со стороны части правящего сословия, точнее – высших чинов Государева двора. Потребовалось не менее трех десятилетий, чтобы преодолеть это сопротивление. Отметим, что столкновение интересов шло в основном по линии разделения основной массы служилого дворянства от представителей знати. Под давлением первых высшим чинам Государева двора пришлось «поделиться» частью своих привилегий. Но этот результат уместно рассматривать скорее не как победу уездного дворянства, а как компромисс, основой которого послужил процесс консолидации различных чиновных и сословных групп правящего сословия.

Большая часть провинциального дворянства настойчиво выступала за отмену урочных лет. В послесмутные десятилетия эта тема стала заглавной в процессе закрепощения крестьянства. Власть не спешила идти навстречу требованиям провинциального дворянства, которое неоднократно – 1637, 1639, 1641, 1645, 1648 годы – подавало коллективные челобитные об отмене урочных лет [19]. В условиях острой борьбы за рабочие руки крупные землевладельцы, в вотчины которых устремлялся основной поток беглых, были заинтересованы в сохранении урочного срока. При этом они же были теми людьми, которые имели возможность влиять на принятие решений. Свою роль сыграло отсутствие единства внутри самого дворянства. Вектор крестьянских побегов тяготел к югу, что, в свою очередь, влияло на позиции мелких землевладельцев. В конечном счете власти предпочитали не отменять, а удлинять срок урочных лет, что никак не устраивало челобитчиков [13]. Даже когда осенью 1645 года в трудном положении правительство Морозова объявило об отмене урочных лет, уступка была оговорена временем составления переписных книг. В результате выборные от провинциального дворянства на Земский собор 1648-1649 года явились с наказами об отмене урочных лет [3, с. 146-148].

К базовым требованиям уездного дворянства следует отнести также требование установления внутрисословного равенства, тесно связанного с выступлениями против произвола «сильных людей». За этим требованием, по сути, скрывалось несколько требований, связанных со службой, правовым статусом, реорганизацией законодательства и судопроизводства. В первом случае дворянство выступало за справедливое, в понимании уездных людей, вознаграждение за одну и ту же службу. Эта позиция отражала стремление уездного дворянства, и в первую очередь его высшей страты – выборного дворянства, – уравниваться с представителями московского дворянства в правах и наградах. Давление было постоянное и приобрело своеобразную форму потока индивидуальных челобитных об их записи по московскому списку. Первые Романовы в этих условиях вынуждены были идти навстречу челобитчикам. Уже к середине века мы видим многочисленные случаи попадания выборных дворян в московский список [12, с. 344-347, 351-364]. Однако процесс шел исподволь и не воспринимался как уступка.

Путь статусного сближения разных групп служилых людей растянулся на долгие десятилетия. Традиционно в нем выделяют указы, связанные с отменой местничества. Но отметим и такую важную для нашей темы веху, как Соборное уложение с его декларацией об обеспечении внутрисословного равенства в суде и «росправе».

Не менее настойчивы были в борьбе за свои интересы жители посадов. Три главные темы нашли отражение в их коллективных челобитных: снижение налогового бремени, отношения с администрацией и ограничение деятельности и привилегий иностранного купечества. Злободневной темой, унаследованной от прошлого века, по-прежнему оставалась и борьба торгово-ремесленного населения с «белыми слободами» и их владельцами.

Очевидно, что уездное дворянство и верхи посада непосредственно в движении не участвовали [22, с. 67]. Они отстранились от того, что на официальном языке определялось как «воровство», «воровской завод», «скоп». Для дворянства и посада глубинные причины недовольства властью определяли сценарий их поведения – враждебный нейтралитет при готовности торговаться и стремление использовать ситуацию – «шантажировать» власть угрозой нового выступления. Важно подчеркнуть, что движение достаточно быстро приобрело организованные

рамки. Это выразилось, в частности, в солидарных действиях лидеров служилых и посадских людей. Результатом этого сотрудничества стала так называемая Большая московская челобитная от 10 июня 1648 года.

Власть и оппозиция: в поисках диалога

Челобитная – бесценный памятник русской общественной мысли середины XVII столетия. Сам первоисточник не сохранился. Текст дошел до нас в переводе на шведский язык, сделанном для своего правительства шведским агентом в Москве Поммерингом [5, с. 46-52]. В 1937 году М. В. Шахматовым в архиве Тарту был найден еще один перевод челобитной, принадлежавший, по-видимому, какому-то служилому иноземцу [10, с. 146-150]. Само существование этих текстов – свидетельство интереса, который проявляли иноземцы к московским событиям. При всей специфике текстов оба варианта дополняют друг друга.

Московская челобитная интересна прежде всего тем, что позволяет судить об уровне общественного сознания служилых и посадских людей, их способности к осознанию своих интересов и к совместным действиям [8, с. 87-100].

Время появления челобитной не случайно. В ходе волнений наступил важный момент. У царя было вырвано обещание удалить главного «виновника» всех несчастий Б. И. Морозова не только от дел, но и из Москвы. Однако уже через несколько дней Морозов вновь стал появляться в Боярской думе. Возникла угроза «реванша». Это насторожило противников боярина. Внимательно следивший за событиями Поммеринг сообщал в Стокгольм о совещании «детей боярских с простым народом» [5, с. 37]. В результате появляется челобитная, призванная, с одной стороны, обнародовать совокупные требования посада и дворян, с другой – заставить царя выполнить свои обещания. Средство для этого – угроза нового, еще более страшного бунта.

Против такого аргумента не мог устоять даже царь. Алексей Михайлович поспешил рано утром 12 июня выслать Морозова из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь. Боярина сопровождает конвой, состав которого – своеобразное выражение сложившегося хрупкого равновесия между участниками конфликта. В него вошли не только придворные, но и провинциальные дворяне и представители «черных слобод» Москвы, следившие за точным исполнением договора [7, с. 10-11; 14, д. 6, л. 8, 15, 23, 27, 29, д. 61, л. 2; 15, д. 96, л. 22].

Но вернемся к Большой челобитной. Традиционный стиль челобитной – смиренное прошение, взывание к милости государя. Большая челобитная поражает своей тональностью, несоответствием формы и содержания. В «кровослезной челобитной» множество упреков, скрытых и даже прямых угроз. Так говорить с государем возможно было лишь в экстраординарных условиях, чувствуя за собой не только правоту, но и силу. Челобитная подана «от всяких чинов людей и всего простого народа», т.е. сословий, обыкновенно представляющих «выборную курию» Земского собора: московские и городовые дворяне и дети боярские, посадские люди из привилегированных и черных сотен. Именно их чаяния и их настроения нашли отражение в петиции.

Упомянув обо всех своих прежних челобитных, оставшихся без ответа, авторы обращения удивляются и упрекают адресата в бездействии относительно народных обидчиков: «Вся народное множество московского государства... твою царскому человеколюбию и долготерпению удивляют, как [отец] твой, государь блаженные памяти долготерпел, и ты, великий ж государь долго же терпиш и щадиш и милуеш, не хочеш своего царского суда и гневу пролити на них». Однако долготерпению есть предел: в противном случае, вместо государя прольет свой гнев Бог. Челобитчики напоминают, что Бог «вручил вам государем царские менночоты [мечи] во отишение злодеем, в похвалу добродеем. И ныне за вашим царским долготерпением у тебя, государя, умножилось тех злодеев, которые... толко богатство собирают и мир губят... И тем губительством и корыстью тебя, государя, со всей землею сарывают, и уж мало не ссорили» [10, с. 147-148].

Последний рефрен крайне любопытный: челобитчики пишут, что продолжительное отсутствие реакции на поступки «злодеев» ведут к ссоре – разрыву связей – «со всею землею». Подобный контекст челобитной задавал самую высокую планку – челобитчики обращаются к Алексею Михайловичу с напоминанием о его главном предназначении – утверждении Царства Правды. В стокгольмском варианте этот вывод окрашен в категорические цвета: если бездействовать, на землю вновь обрушится гнев Бога, как это случилось в Смуту: «...вышесказанное слово пророка тебе объявляют, напоминая тебе, что наказание божьего гнева, которое в прежние времена за такое беззаконие разразилось над Московским государством, ныне снова нас постигнуть должно» [Там же, с. 148].

Приведённый отрывок – свидетельство того, что авторы челобитной хорошо осведомлены относительно доминант, которые присутствовали в официальной идеологии. Причем не просто осведомлены – умело использовали их в качестве аргументов. Позиционируя Алексея Михайловича наследником «гречиших царей», челобитчики упомянули императора Юстиниана, в русской традиции – воплощение справедливого правителя и законодателя. Рефрен заканчивается призывом следовать этому праведному примеру: «И тебе, праведному государю, mocno токож учинити».

Далее следует перечень мер, которые необходимо предпринять: «потребить» неправых судей; изгнать и запретить «посулы», мзду, приказную волокиту, насилия; защитить «малородных и беспомошных от насилия и обид». Особую ненависть у авторов петиции вызывали приказные: «От приказных людей мир погиб, и ныне погибают, а всему великому мздоиманью Москва корень...» [5, с. 40].

Авторы просят, чтобы государь призвал «московских дворян, и городовых дворян же, и детей боярских, и московских гости и гостиние сотни, и черных сотен середные и меншии стати, и всяких людей», чтобы они поведали, «от каких от продаж и от насилства [они] стонут и плачут, и оне сами про все про то государю скажут». Подобное требование созыва Земского собора для исчисления накопившихся нужд уже имело место –

именно так собирався собор 1619 года, принявший участие в разработке программы восстановления страны и государства. Правда, в отличие от 1648 года инициатива созыва собора тогда шла сверху, а не снизу.

Заметим, что требования июньской челобитной очень скоро приобрели законодательную форму: в июльской памяти в Новгородскую четь из Уложения приказано для работы над новым сводом законов, говорилось о созыве Земского собора, на котором выборные станут бить челом «о всяких своих делех» [16, с. 6].

Завершая челобитную, авторы вновь возвращаются к теме беззакония и насилия. Однако это не простое повторение сказанного: перечень «народных губителей» расширен: в него уже включены все «сильные люди» и городские воеводы. Затем последовало неожиданное предложение/требование: челобитчики призывают не просто «потребить неправедных судей», а неумелых – отставить. Авторы хотят, чтобы государь дал им право выбора судей: «А мирские люди выберут в суди меж себя праведных и расудительных великих людей, и ему государю будет покой от то всякие мирские докуки ведати о своем царском венце, а ево государевым боярем будет время от ратных росправах и о разсудех в своих домах, потому что ево государскою розправною полату ево государевы бояря отставили, а вся за своими домашними розправами, а всякою мирскою докуку к нему, праведному кроткому государю привели» [10, с. 149-150].

По сути, перед нами предложение провести реформу суда и управления. Предусматривается невмешательство бояр в управление «землею». Последним предложено помогать царю в «государевом деле» или заняться благоустройством собственных вотчин – «домашними делами». Податели челобитной вдохновлялись, похоже, образцами прошлого. Так, в «сказке», поданной торговыми людьми на Азовском соборе, челобитчики вздыхали о прежних временах, когда ими ведали губные старосты, а судили их не воеводы, а они сами – «судились сами промеж себя» [1, с. 55].

Московская челобитная оказала отрезвляющее воздействие на правящие круги. Это выразилось не только в упомянутом выше удалении Морозова из столицы. Окружение Тишайшего осознало необходимость «диалога» с посадскими и служилыми людьми. Зрело понимание того, что отдельными подачками их лояльность не завоевать – нужны шаги более радикальные, удовлетворявшие коренные интересы дворянства и посада. Это прозрение, вкупе с голосами решительно преобладающих на Земском соборе выборных от провинции, во многом предопределило направленность нового законодательства. В ответ на дворянские челобитные власти, еще до появления XI главы Соборного уложения, поспешили отменить урочные лета [6, с. 229]. При этом Уложение установило принцип потомственного закрепощения всей крестьянской семьи, воплощенный в переписных книгах 1646-1647 годов [9, с. 109].

Посадское население, добившись упразднения «белых слобод», получило «монопольное право на владение и распоряжение дворами и торгово-ремесленными заведениями на посадах» [Там же, с. 252].

Важнейшим завоеванием стало принятие самого Уложения. В рамках постоянно звучавшего с начала века рефрена о справедливости и законности публичный характер Уложения сделал право доступным для всех. Монополия «сильных» и приказных людей на владение юридической нормой была если не ликвидирована, то значительно поколеблена. Примечательно, что в преамбуле к Соборному Уложению правительство исключило всякое упоминание об инициативе «мира» и «земли», подтолкнувших власть к составлению нового законодательного свода. Создание Уложения было приписано всецело царской милости. И дело здесь не только в сознании человека «бунташного века», видевшем в монархе источник права. Напуганная власть старательно стирала из памяти подданных всякое упоминание о событиях лета 1648 года. Позднее это дало повод опальному патриарху Никону насмешливо напомнить, что Уложение было принято «страха ради» из-за угрозы мятежа. Тем не менее в текст Уложения дословно вошло требование челобитчиков: «...чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна» [20, с. 17].

Заключение

В свое время С. Ф. Платонов назвал XVII в. «веком устроения», имея в виду, что именно на этот период пришлось формирование социальных и политических структур и институтов, которые в дальнейшем станут краеугольными камнями абсолютистского государства и сословного общества. Это «устроение» не могло не сопровождаться острой борьбой между различными сословиями и сословными группами за свой статус. Ведь обретать место под солнцем приходилось в основном за счет других групп населения. В этом смысле крепостнический характер Соборного уложения – яркое свидетельство того, что консолидация через «уравнение» различных разрядов дворянства произошла преимущественно за счет крестьянства. Надо признать и то, что долгая и отчасти безуспешная борьба «средних слоев» за улучшение своего социального и правового статуса при первых двух Романовых, в конце концов переполнившая чашу их терпения, не только привела к кризису середины века, но и во многом повлияла на дальнейший характер взаимоотношения с властью. Полученный правящей элитой опыт не пропал даром. В последующем власть намного легче шла на «диалог» с провинциальным дворянством и посадом. В сознании сторон возникло своеобразное разделение функций: идя навстречу сословным требованиям «средних слоев», власть взамен требовала полной лояльности, невмешательства в сферу управления, «радетельного» исполнения сословных обязанностей.

В контексте подобного подхода причины городских восстаний, связанные с деятельностью правительства боярина Морозова, становятся лишь той силой, которая опрокинула уже до краев переполненную чашу сословного недовольства служилых и посадских людей.

Наконец, кажется уместным, говоря о событиях середины XVII века, не сводить все к восстаниям и бунтам. Феномен городских восстаний шире, чем просто бунт. Речь идет о масштабном социально-политическом кризисе, отражавшем всю сложность «устройства» государства и общества «бунташного столетия».

Список источников

1. Акты, относящиеся к истории земских соборов / под ред. Ю. Готье. М., 1909. 92 с.
2. Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба с ними дворян в 20-40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77-88.
3. Андреев И. Л. Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве // История СССР. 1982. № 1. С. 142-148.
4. Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV-XVII вв. М.: АН СССР, 1954. С. 46-91.
5. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сборник документов / сост. и авт. ввводной статьи и примеч. К. В. Базилевич. М. - Л., 1936. 182 с.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л.: Наука, 1987. 260 с.
7. Зерцалов А. О мятежах в гор. Москве и селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1890. Кн. 3. Смесь. С. 10-11.
8. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.
9. Маньков А. Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 273 с.
10. Материалы по истории СССР: для семинарских и практических занятий. М.: Высшая школа, 1989. Вып. 3. 287 с.
11. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т. 1. 784 с.
12. Правящая элита Русского государства. IX - начало XVIII в. Очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 547 с.
13. Рождественский С. Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII века // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 100-124.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1648. Оп. 1.
15. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола.
16. Смирнов П. П. Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского собора 1648-1649 годов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1913. Кн. 4. С. 2-28.
17. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.: в 2-х т. М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948. Т. 2. 736 с.
18. Смирнов П. П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве в 1648 г. Ташкент, 1929. 86 с.
19. Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1915. Кн. 3. Смесь. С. 50-60.
20. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
21. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
22. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж: ВГУ, 1975. 248 с.

Информация об авторах | Author information

Андреев Игорь Львович¹, к. ист. н., доц.
Ильина Ксения Евгеньевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет

Andreev Igor Lvovich¹, PhD
Ilyina Ksenia Evgenievna²

^{1,2} Moscow State Pedagogical University

¹ andreev_hist@mail.ru, ² ike_x93@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): городские восстания; провинциальное дворянство; посадские люди; коллективные челобитные; консолидация сословий; urban riots; provincial noblemen; craft people; collective petitions; class consolidation.